

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.Л. Кулюкин

Идея пастырского душепопечения в Ветхом Завете

Опубликовано:

Христианское чтение. 1901. № 9. С. 341-369.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Идея пастырскаго душепопеченія въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ.

КАКЪ вообще приложеніе къ вождямъ и начальникамъ народнымъ наименованія пастырей очень древни, и еще Гомеръ, напр., неоднократно называетъ царя Агамемнона пастыремъ народовъ (ὁ ποιμὴν λαῶν), такъ, въ частности, и въ библейскомъ языкѣ названіе священниковъ пастырями — древне и очень употребительно (Иезек. гл. XXXIV; Іерем. III, 15; Іоан. гл. X; 1 Петр. гл. V и др.). Но библейскому словоупотребленію едва ли не принадлежитъ исключительная особенность представленія священника, какъ именно пастыря, по крайней мѣрѣ, классическій міръ разсматривалъ священство почти исключительно, какъ жречество только. Ни греческое *ιερεὺς*, ни римское *sacerdos* не идутъ дальше понятія о выдѣленіи извѣстнаго лица изъ круга мірянъ за свою близость къ тѣмъ или другимъ священнымъ вещамъ и обязанность исполненія священныхъ требъ. Правда, и древнѣйшее *קָהֵן*¹⁾ еще чуждо того особеннаго элемента, который отличаетъ священника = пастыря отъ жреца - требоисправителя, и позднѣйшее *רֹעֵה* (=пастырь) не употребительно раньше писаній пророческихъ: но за то Библия во всякомъ случаѣ имѣетъ полное и ясное

¹⁾ По словарю Мейра (*Hebräisches Wurzelwörterbuch, von E. Meier-Mannheim, 1846, стр. 618*, слово *קָהֵן*) еврейское *קָהֵן* происходитъ отъ кореннаго глагола *קָהַן* съ значеніемъ гнуть, склонять, и можетъ быть переведимо или какъ «исправитель, совершитель, т. е. тотъ, кто исполняетъ обязанности культа», или какъ «кланяющійся, подчиняющійся, умоляющій, т. е. служитель Божій».

представленіе о священникѣ-пастырѣ, и если ея древнѣйшія части не проникнуты вполнѣ этимъ представленіемъ, то это можетъ говорить лишь о томъ, что и библейское представленіе выработалось не сразу, а постепенно, исторически, какъ и вообще все откровеніе, сохраняя свой высшій авторитетъ, не унижается отъ исторической постепенности раскрытія людямъ (Евр. I, 1--2).

Для выясненія идеи пастырскаго душепопеченія въ Библии можно находить двоякаго рода данныя: во-первыхъ, прямыя указанія о томъ, каковъ долженъ быть священникъ-пастырѣ и въ чемъ должна состоять забота его о своей паствѣ; во-вторыхъ, косвенныя указанія о томъ же—черезъ изображеніе дѣятельности священства въ разныя времена его исторіи или черезъ описаніе такихъ примѣровъ, которые должны составлять всегдашній идеаль пастырской дѣятельности. Такъ какъ данныя перваго рода—сравнительно не многочисленны, то необходимо воспользоваться данными и втораго рода для составленія полнаго представленія о задачахъ истиннаго пастырства и ихъ историческомъ развитіи.

Какъ бы различно ни понимались задачи пастырства, несомнѣнно, прежде всего, то, что оно есть извѣстнаго рода общественное служеніе; поэтому и въ библейской исторіи мы можемъ искать первыхъ слѣдовъ пастырскаго служенія лишь съ того времени, когда начинаетъ дѣйствовать народъ съ такъ или иначе организованной общественной жизнью. Въ исторіи евреевъ такимъ начальнымъ моментомъ является выходъ изъ Египта. До этого времени хотя несомнѣнно религіозная жизнь еврейскихъ праотцевъ уже имѣла нѣкоторыя утвердившіяся формы,—такъ, напр., строились жертвенники (Быт. VIII, 20; XII, 7—8; XIII, 4, 18; XXVI, 25; XXXV, 1, 7), приносились жертвы (Быт. IV, 3—4, VIII, 20; XV, 9—10; XXXI, 54), совершались возліанія (Быт. XXVIII, 18), давались обѣты (Быт. XXVIII, 20—22) и матеріальныя приношенія (Быт. XXVIII, 20—22),—но всѣ эти религіозныя дѣйствія были дѣломъ частнымъ, личнаго усмотрѣнія, безъ всякой общественной организаціи: здѣсь всякій былъ и пастыремъ, и пасомымъ вмѣстѣ. Правда, изъ библейскихъ данныхъ можно заключать съ достаточною твердостью о томъ, что и до Моисея у евреевъ было священство, хотя и не въ томъ организованномъ видѣ, какой послѣ данъ былъ ему Моисеемъ, но, по крайней мѣрѣ, съ обязанностію спеціальнаго исполненія

жреческо-религіозныхъ требъ. Такъ, не говоря уже о примѣрѣ египтянъ съ ихъ прочно организованнымъ священствомъ, — примѣрѣ, столько лѣтъ бывшемъ предъ глазами евреевъ, — трудно предположить, чтобы религіозно-священническія отправленія, вполне извѣстныя еще патриархамъ, не организовались въ систему и не получили значенія общественнаго служенія при постепенномъ размноженіи небольшой семьи Израиля въ шестисоттысячный народъ (Быт. XLVI, 27; Исх. XII, 37), когда и въ гражданскомъ быту, не смотря на подневольное положеніе въ Египтѣ, евреи имѣли и до Моисея опредѣленный институтъ старѣйшинъ и начальниковъ (Исх. IV, 29; XVI, 22). И, дѣйствительно, еще задолго до постановленій Моисея о священствѣ, въ третьемъ еще мѣсяцѣ по исходѣ изъ Египта, евреи имѣютъ уже священниковъ «приближающихся къ Господу» (Исх. XIX, 22), — это, очевидно, священники, вышедшіе, какъ таковые, еще изъ Египта; затѣмъ, еще до всякаго законодательства о жертвахъ, евреями, только что вышедшими изъ Египта, приносятся уже жертвы (Исх. XVIII, 12; XXIV, 5) и строятся жертвенники (Исх. XX, 24—25; XXIV, 4—5); наконецъ, и рядъ религіозныхъ установленій Моисея начинается далеко не со священства: устанавливается праздникъ Пасхи съ цѣлью увѣковѣченія памяти о выходѣ изъ Египта (Исх. гл. XII), дается съ тою же цѣлью законъ о посвященіи Богу всѣхъ первенцевъ израильскихъ (Исх. XIII, 2), дается заповѣдь о субботѣ (Исх. XVI, 23—30), объявляется повелѣніе о способѣ устройства жертвенниковъ Господу (Исх. XX, 24,—25) и, какъ мы сказали, когда нужно приносятся жертвы, — словомъ, первыя дѣйствія и повелѣнія Моисея въ пустынѣ таковы, что они предполагаютъ существующее уже и дѣйствующее священство. Но, исполняя религіозно-жреческія обязанности, еврейское священство до времени Моисея было чуждо тѣхъ сторонъ священнической дѣятельности, которыя могли бы приближать его къ пастырскимъ задачамъ: по крайней мѣрѣ, по библейскому повѣствованію, до Моисеевское священство не было проникнуто еще и низшимъ сравнительно съ задачами истиннаго пастырства идеаломъ — освобожденія народа отъ рабства египтянамъ и полученія обѣтованной земли, хотя идеаль этотъ никому другому, какъ священству, долженъ былъ быть наиболѣе знакомъ и близокъ, ибо онъ является священнымъ завѣтомъ самого Бога съ народными

праотцами (Быт. XIII, 14; XV, 7—16; XVII, 1—8, XXVIII, 3—4; XXXV, 10—12; XLVI, 3—4; XLVII, 29—31, XLVIII, 3—4; Исх. VI, 6—8; и др.). При обращеніи Моисея къ своему народу до выхода изъ Египта и даже значительное время по выходѣ, вездѣ говорятъ и дѣйствуютъ свѣтскіе начальники евреевъ — «старѣйшины» (זְקֵנִים), «надзиратели» (שׂוֹטְרֵי), «приставники» (שֹׁטְרֵי), «начальники» (שָׂרֵי) и нигдѣ священники (Исх. IV, 29; V, 6, 15, 20—21; XVI, 22; XVII, 5, 6; XVIII, 13—27 и др.). Впрочемъ, такое положеніе до-Моисеевскаго священства было и естественно въ виду того, что въ жизни самага народа еще не было почвы для иной дѣятельности священства: не говоря уже про то, что и по самой численности своей еврейскій народъ только ко времени Моисея сталъ походить на народъ (Исх. XII, 37), главное-то, что по своему духу евреи представляли ко времени Моисея все еще скорѣе многочисленную семью Израиля, чѣмъ народъ. Ни священныя преданія о своемъ прошломъ, о своихъ «отцахъ», ни народныя надежды на лучшее, Богомъ обѣтованное, будущее, ни сознаніе своего исключительнаго среди народовъ положенія чрезъ знаніе Единаго Бога—не волнуютъ и не воодушевляютъ народъ задвленный рабствомъ, святой тѣломъ, не скудный духомъ (Исх. XIV, 11—12; XVI, 3; XVII, 3). Моисей еще до своего прихода въ Египетъ знаетъ все малодушіе народа и его неподготовленность къ новой самостоятельной жизни (Исх. III, 13; IV, 1—8—9), испытавъ на собственномъ горькомъ опытѣ высоту народныхъ чувствованій (Исх. II, 13—15); и первые шаги его по возвращеніи въ Египетъ вызываютъ народное огорченіе (Исх. V, 20—21), малодушіе и недовѣріе (Исх. VI, 9), такъ что великій ревнитель народный былъ близокъ къ разочарованію въ своихъ планахъ (Исх. V, 22—23; VI, 12). Правда, подъ влияніемъ тяжелыхъ рабскихъ страданій народъ еврейскій пробудился въ своемъ самосознаніи и сталъ съ довѣріемъ слушать иногда рѣчи Моисея о народныхъ праотцахъ, о «Богѣ отцовъ», о Его завѣтахъ и обѣтованіяхъ лучшаго будущаго (Исх. III, 15—17; IV, 31); но, не говоря уже про то, что такое довѣріе чаще вызывалось особыми чудодѣйственными знаменіями божественнаго посланничества Моисея (Исх. IV, 30—31), чѣмъ самымъ содержаніемъ его рѣчей (Исх. VI, 9) народное пробужденіе только начиналось и нужна

была длинная школа для воспитанія его въ новыхъ теократическихъ началахъ. Такъ, уже по выходѣ изъ Египта, не смотря на чудодѣйственное вторичное избавленіе отъ египтянъ при Черномъ морѣ, народъ при каждомъ малѣйшемъ затрудненіи ропщетъ на свою новую долю, забываетъ Иегову и Его особую милость къ нему, слабо слушается Моисея и готовъ чуть-ли не вернуться подъ сытое иго египтянъ, ни во что ставя свою свободу (Исх. XIV, 11—12; XV, 24—26; XVI, 2—3; 27—28; XVII, 2—4 и др.). Вся исторія Моисея наполнена постоянными вспышками народнаго недовольства и ропота на свою новую судьбу, постоянно повторяющимися отпаденіями отъ Иеговы и Его повелѣній, постоянными опасеніями Моисея за то, что ему не удастся воспитать народъ въ духѣ преданности Иеговѣ и самостоятельности, такъ что даже при концѣ своей дѣятельности, провидя въ Израилѣ худого исполнителя своихъ завѣщаній, съ болѣею силою и подробностью говорить о проклятiяхъ Божіихъ за неисполненіе повелѣній Иеговы, чѣмъ о благословеніяхъ за исполненіе (Втр. XXVIII, 1—14; XXVIII, 15—69; XXXI, 27—29). Вотъ почему, съ первой же пасхальной ночи свободнаго существованія народа, еще въ Египтѣ, Моисей начинаетъ и столь мудро и послѣдовательно ведетъ рядъ постановленій, направленныхъ къ одной цѣли—воспитать народъ въ духѣ полной преданности Единому Богу и постояннаго памятованія о своихъ особыхъ избранническихъ судьбахъ сравнительно съ другими народами. Праздникъ Пасхи, законъ объ отдѣленіи первенцевъ, законъ о субботѣ—все это должно было напоминать Израилю на всегдашнія времена о Единомъ Богѣ и Его особой милости къ народу еврейскому, какъ избранному изъ всѣхъ народовъ быть «царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» (Исх. XII, 14, 17. 24—27; XIII, 14—16; XVI, 32—34; XIX, 6; Лев. XIX, 2). Но вотъ и въ одну изъ самыхъ торжественныхъ минутъ Моисеевой дѣятельности народъ еврейскій оказался столь же низменно-чувственнымъ и грубо забывчивымъ, какимъ онъ не разъ уже проявилъ себя въ странствованіи по пустынѣ: Моисей взошелъ на гору Синай, получилъ тамъ повелѣнія отъ Самаго Бога и возвратился «со скрижалями свидѣтельства, написанными перстомъ Божіимъ» (Исх. XXXI, 18), Израиль же не остался вѣрнымъ завѣтамъ Моисея и на 40 дней: поставили себѣ золотого тельца и принесли ему жертвы, «народъ сталъ ѣсть и пить,

и послѣ всталъ играть (Исх. XXXII, 1—6). Тогда «увидѣлъ Моисей, что это народъ необузданный (Исх. XXXII, 25); и вотъ обратившись съ воззваніемъ къ народу: «кто за Господа—ко мнѣ»,—Моисей увидѣлъ, что къ нему собрались всѣ сыны Левіины—его родичи по колѣну (Исх. XXXII, 26). Моисей велѣлъ сынамъ Левіинымъ пойти и избить тѣхъ, кто такъ скоро и грубо пренебрегъ его завѣтами: и пало въ тотъ день окло трехъ тысячъ изъ народа (Исх. XXXII, 27—28)! Съ этого времени въ планахъ великаго законодателя окончательно утвердилась та общественно-народная организація, которая, какъ наиболѣе соотвѣтствовала всему духу его законодательства, такъ и явилась наиболѣе надежнымъ ручательствомъ за успѣхи воспитанія народа въ національно-теократическомъ духѣ. Еще въ числѣ постановленій, полученныхъ Моисеемъ во время перваго пребыванія на Синаѣ, было врученіе священства одному лишь роду Аарона изъ всѣхъ сыновъ Израиля (Исх. XXVIII, 1); теперь, послѣ столь рѣшительнаго изъявленія со стороны колѣна Левіина готовность быть вѣрнымъ Моисею, все это колѣно выдѣлялось на служеніе Богу (Исх. XXXII, 29). Священство стало кастой, и этой то кастѣ было поручено то дѣло, которое составляло главную и единственную заботу Моисея и было душой всѣхъ его постановленій, т. е. воспитывать народъ въ духѣ преданности Іеговѣ, въ чистотѣ и святости и въ сознаніи своихъ особыхъ прѣдъ другими народами судьбъ избраннаго народа Божія (Лев. X, 11), (Втор. IV, 1—40): Эта то національно-теократическая задача и опредѣлила собою всѣ стороны дѣятельности еврейскаго священства, установленнаго Моисеемъ. Будучи поставлено во главѣ народа, на стражѣ строгаго проведенія въ жизнь національно-теократическихъ началъ, еврейское священство должно было, естественно, обнять своею дѣятельностью всѣ стороны народной жизни, чтобы имѣть возможность всюду проводить идею теократіи. И, дѣйствительно, еврейское священство было для своего народа и священникомъ, и учителемъ, и судіей, и врачомъ, и даже нерѣдко вдохновителемъ на войну, если не прямо предводителемъ (Числ. XXXI, 6, Втор. XX, 2), при чемъ всѣ эти обязанности такъ мудро были проведены въ жизнь, что онѣ, съ одной стороны восполняли и служили одна другой, а съ другой—всѣ сходились въ одной главной задачѣ—поддерживать въ Израилѣ своихъ особыхъ близкихъ

отношеній къ Богу, своей исключительной національной миссіи избранника Божія и своей преимущественной чистоты и святости. Прежде всего, религіозныя отправленія такъ были составлены и распредѣлены, что и по внутреннему своему смыслу и по внѣшней формѣ должны были постоянно напоминать всѣмъ и каждому то о главнѣйшихъ событіяхъ изъ народной исторіи и особыхъ предъ другими народами завѣтахъ Божіихъ, то о требованіяхъ чистоты и святости. Таковы были общенародные праздники и установленія: Пасха для увѣковѣченія въ памяти народа избавленія отъ рабства египетскаго (Исх. XII, 14, 17, 24—27), законъ о первенцахъ, посвящаемыхъ Богу, съ тою же мыслью, какъ и праздникъ Пасхи (Исх. XIII, 2, 12—16), празднованіе субботы, какъ «знаменія» между Иеговою и народомъ израильскимъ, чтобы познали, что Иегова — Господь «освящающій Израиля (Исх. XXXI, 31), съ тою же мыслью — субботній и юбилейный года (Лев. XXV, 2—12), праздникъ жертвы первыхъ плодовъ труда.. и собиранія плодовъ въ исходѣ года (Исх. XXIII, 16), какъ благодареніе Господа за дарованіе народу земли обѣтованной съ ея плодами (Лев. XXIII, 10—11), «праздникъ трубъ» съ принесеніемъ жертвъ Богу (Лев. XXIII, 24—25), «день очищенія» для очищенія народа предъ лицомъ Господа Бога (Лев. XXIII, 27—32; XVI, 29—34), «праздникъ кущей», чтобы зналъ народъ израильскій, что въ кущахъ поселилъ Господь сыновъ израильскихъ, когда вывелъ ихъ изъ земли египетской (Лев. XXIII, 34—43). Въ наиболѣе важныя изъ праздниковъ—въ Пасху, въ праздникъ кущей (Втор. XXXI, 11) и въ праздникъ начатковъ земныхъ произведеній, иначе въ «праздникъ седмиць» (Втор. XVI, 16) весь мужескій полъ долженъ былъ являться «предъ лице Владыки Господа» (Исх. XXIII, 17; XXXIV, 22—23): три раза въ году, такимъ образомъ, израильскій народъ видѣлъ себя всего собраннымъ, и объединяясь видимо, долженъ былъ объединиться и духовно—въ одной вѣрѣ въ Иегову и Его особую милость къ себѣ. При этихъ то всенародныхъ праздничныхъ собраніяхъ священники должны были «читать законъ передъ всѣмъ Израилемъ въ слухъ его (Втор. XXXI, 11), чтобы они слушали... и боялись Господа... и старались исполнять всѣ слова закона» (ст. 12). Но и независимо отъ всенародныхъ торжественныхъ собраній мысль о единствѣ богоуправляемаго народа и особой, тре-

буемой отъ него чистотѣ и святости настойчиво внушалась чрезъ всѣ остальные религіозныя установленія—жертвы и разные другіе обряды: при всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ священство являлось посредникомъ между Богомъ и народомъ, стражемъ въ исполненіи Божіихъ повелѣній и воспитателемъ народа въ духѣ національно-теократическихъ идеаловъ. Не говоря уже о случаяхъ добровольнаго желанія кого-либо изъ народа принести жертву Богу, когда закономъ предписывалось являться къ законно-постановленному священству (Лев. XVII, 1—9; Вт. XII, 10—14), было много случаевъ, когда обязательно нужно было являться къ священству и пользоваться его авторитетомъ, какъ посредника между Богомъ и народомъ. Согрѣшить ли все общество, или начальникъ, или отдѣльный человѣкъ—нужно итти къ священнику и просить очищенія (Лев. IV, 13—35); допустить ли кто какой грѣхъ при заклатіяхъ или прикосновеніи къ нечистотѣ или безразсудной клятвѣ—нужно итти «исповѣдываться» къ священнику (Лев. V, 1—4); святотатство, грѣхи невѣдѣнія, запирательство и т. п. обязываютъ являться къ священнику для очищенія (Лев. V, 15—17, 21—26); рожденіе cadaго чловѣка требовало явки родителей къ священнику для исполненія священныхъ обрядовъ, которые отъ видимо-гигіеничнаго значенія должны были возводить мысль къ невидимому—къ завѣту Божію съ народомъ (Лев. XII, 1—8, ср. Быт. XVII, 7—14): различіе родовъ болѣзни кожи, признаніе нечистоты, очищеніе—сопровождались религіозными обрядами, выставлявшими священниковъ хранителями Божіихъ повелѣній о чистотѣ и святости избраннаго народа (Лев. гл. XIII—XV); оцѣнка того, на что данъ обѣтъ посвященія Богу, производилась священниками (Лев. XXVII, 8, 11, 14): разбирательство при подозрѣніяхъ ревности мужа и жены, при нарушеніяхъ обѣтовъ, и въ особенности назорейства—все это было въ вѣдѣніи священниковъ (Числ. V, 13—31; VI, 10) и, наконецъ, наказаніе смертію за разныя, болѣе важныя противъ теократическаго начала преступленія не могло обойтись безъ указанія священниковъ (Числ. XV, 32—36 Лев. XXIV, 10—23; Числ. XXV, 1—15). Такимъ образомъ, собственно-религіозная дѣятельность священства, обнимавшая всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни какъ цѣлаго народа, такъ и отдѣльнаго чловѣка, представляла собою прочную школу держанія народа въ заботѣ о чистотѣ и святости и объ обра-

зованіи изъ себя особаго, приближеннаго къ Богу, народа: каждый религиозный обрядъ являлся поученіемъ, а священство—учительствомъ, и насколько была прочна эта школа, видно изъ того, что во всѣ послѣдующія времена исторіи евреевъ, во всѣхъ почти рѣчахъ, произнесенныхъ разными лицами всегда слышится одинъ мотивъ—о «Богѣ Авраама, Исаака, Иакова», сдѣлавшемъ для Израиля то-то и то-то и въ данный моментъ приведшемъ его къ тому-то и тому-то: такъ крѣпко въ сознаниіи всѣхъ еврейскихъ дѣятелей была привита мысль объ особой миссиіи народа, принадлежащаго исключительно Иеговѣ! Но на священствѣ и прямо лежала учительная миссія. Объяснивши народу столько разныхъ законовъ и постановленій и гражданскаго и религиозно-нравственнаго характера, Моисей долженъ былъ, конечно, позаботиться и о томъ, чтобы всѣ эти уставы и законы Иеговы» не были забыты и искажены народомъ, а напротивъ, чтобы всегда были въ сознаниіи народа и осуществлялись въ жизни. Отсюда «учить народъ законамъ и уставамъ Иеговы»—стало второю и важнѣйшею задачею священства послѣ религиозно-церковныхъ отпращиваній; вотъ почему въ Библии мы видимъ постоянныя и настойчивыя завѣщанія священству «учить» народъ (Лев. X, 10—11 Втор. XXXI, 9—13; ср. Исх. XXIV, 4—7; 2 Пар. XV, 3, XVII, 7—9; Мал. II, 7; Іез. XLIV, 23—44 и др.) И эта задача учительства такъ тѣсно въ сознаниіи самаго народа связывалась съ миссіей священства, что и въ послѣдующія за Моисеемъ времена считалось народнымъ бѣдствіемъ отсутствіе «священника учащаго» (2 Пар. XV, 3), а самымъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ священства—неисполненіе имъ своей учительской миссиіи или холодное, продажное исполненіе ея (Мих. III, 11; Іез. XXII, 26; Мал. II, 8). И вполне понятна такая строгость взгляда на учительскій долгъ священства: учить оно должно было ни чему иному, какъ исполненію Божіихъ повелѣній, опредѣлявшихъ собою всю народную жизнь, съ прекращеніемъ священническаго учительства должны были, поэтому, затемняться и искажаться въ народномъ сознаниіи всѣ тѣ «уставы Иеговы», чрезъ исполненіе которыхъ Израиль именно и могъ стать сплоченнымъ народомъ, способнымъ противостоять всѣмъ иноземнымъ вліяніямъ. Впрочемъ, учительство явилось необходимой нуждой священства, если оно только хотѣло оставаться священствомъ: не уча, оно не могло бы и

требовать отъ народа исполненія всѣхъ религіозныхъ установленій, такъ какъ всѣ эти установленія, какъ мы видѣли, могли держаться и держались благодаря заключававшемуся въ нихъ историческому или нравственному смыслу: что значилъ бы законъ о первенцахъ, всѣ обрядности Пасхи, дня очищенія, раздѣленіе жертвъ по смыслу и цѣли, если бы народу не была объяснена и напоминаема мысль всѣхъ этихъ религіозныхъ дѣйствій и обычаевъ? Не прошло бы и двухъ поколѣній, какъ всѣ эти обряды были бы забыты! Вотъ почему о повелѣніяхъ Іеговы Моисей заповѣдуетъ народу имѣть ихъ постоянно предъ собою въ сознаніи, какъ «знакъ на рукѣ» или «памятникъ предъ глазами» (Исх. XIII, 9; XIII, 16), «внушать ихъ дѣтямъ» и «говорить о нихъ, сидя въ домѣ, и идя дорогою, и ложась, и вставая», и написать ихъ на косякахъ домовъ и на воротахъ ихъ (Втор. VI, 6—9 II, 18—20). Съ другой стороны, и добросовѣстно исполняя лишь свои религіозно-церковныя обязанности, священство уже тѣмъ самымъ учило народъ опять тѣмъ же повелѣніямъ Іеговы, такъ тѣсно были связаны эти двѣ обязанности священства—религіозныя отправленія и учительство! Можно сказать, что это была одна обязанность—религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Столь же неразрывно примыкали къ этой обязанности и остальные два дѣла священства—судейское и врачебное. Представляя изъ себя посредника между Богомъ и народомъ, истолкователя и хранителя всѣхъ божественныхъ повелѣній, священство должно было, естественно, являться и первымъ судьей и карателемъ въ исполненіи и неисполненіи «уставовъ Іеговы». Поэтому, священству безраздѣльно принадлежало право суда въ области прегрѣшеній каждаго противъ заповѣдей Іеговы: установленіе факта грѣховности, наложеніе наказанія, очищеніе и прощеніе согрѣшившаго—все это было въ вѣдѣніи священниковъ (Лев. IV, 13—35; V, 1—4, V, 15—17; 21—26; Числ. V, 13—31; VI, 10 и др.). Но и просто въ тяжebныхъ дѣлахъ, хотя для такихъ дѣлъ у евреевъ были особые органы не изъ среды священства, такъ и называвшіеся «судьями» (Исх. XVIII, 13—27; XXI, 6; XXII, 27; Втор. XVII, 6—9; XIX, 17; Суд. IV, 5), священству предоставлялся судъ въ болѣе затруднительныхъ, спорныхъ случаяхъ, и притомъ съ послѣднимъ уже безспорнымъ рѣшеніемъ, сопротивленіе которому наказывалось смертію (Втор. XVII, 8—13; 2 Пар. XIX,

8—11; Втор. XXI, 5; Іез. XLIV, 24). И, хотя обязанность суда была не столь широка и настоятельна, как обязанность учительства, тѣмъ не менѣе и судъ священства долженъ былъ имѣть большое воспитательное значеніе для народа: судъ не могъ быть творимъ иначе, какъ чрезъ приложение къ дѣлу и оповѣщеніе предъ народомъ тѣхъ божественныхъ повелѣній, которыя были нарушены преступникомъ, а это являлось уже своего рода наученіемъ народа; сверхъ того, судъ сопровождался исполненіемъ разныхъ церковно-религіозныхъ требъ и постановленій, а это опять въ свою очередь служило школой для народа такъ прочно въ рукахъ священства сходились разные нити теократическаго управленія народомъ! Врачебная дѣятельность древно-еврейскаго священства направлялась на распознаваніе разныхъ сторонъ проказы, парши и другихъ кожныхъ болѣзней; на принятіе разныхъ мѣръ къ удаленію больного изъ общества или къ его выздоровленію, на соблюденіе мѣръ чистоты и предосторожности въ пищѣ, сношеніяхъ съ женщинами, на исполненіе закона объ обрѣзаніи, на соблюденіе законовъ о разной нечистотѣ и оскверненіи чрезъ нее, на способы и правила дезинфекціи жилищъ въ случаѣ ихъ зараженія разными язвами и т. п. (Лев. гл. XI—XV; Втор. XXIV, 8). И эта дѣятельность священства, подобно судейскому дѣлу, тѣсно связывалась съ первой и главной его обязанностію—исполненіемъ религіозныхъ требъ и обрядовъ, такъ какъ при всякихъ случаяхъ очищенія отъ нечистоты или выздоровленія полагалось закономъ принесеніе тѣхъ или иныхъ жертвъ; но и сами по себѣ всѣ законы о чистотѣ, кромѣ своего буквальнаго, фізіологическаго значенія, истолковывались всегда и въ высшемъ смыслѣ—принадлежности къ народу Іеговы только чистыхъ тѣломъ и душой (Исх. XXII, 30; Лев. XI, 43—45; XX, 25—26; ср. Іез. XLIV, 23—24); отсюда и врачебное дѣло священства становилось опять своего рода учительствомъ. Наконецъ, не становясь непосредственнымъ предводителемъ на войнѣ еврейское священство было вдохновителемъ Израиля въ битвахъ съ врагами (Втор. XX, 2—4), да и всѣ отношенія съ иноплеменниками были опредѣлены въ согласіи съ національно-теократическими началами народной жизни: не смѣшиваться съ язычниками, а истреблять ихъ, чтобы самому Израилю оставаться неиспорченнымъ наслѣдіемъ Іеговы—вотъ чему учили Израиля его руководители

(Исх. XXIII, 22—33; Втор. VII, 1—6; XII, 29—31; XIX, 1; XX, 16—18). Такъ всё стороны дѣятельности еврейскаго священства опредѣлялись одною задачею: очищать народъ отъ нечистоты тѣлесной и духовной и уготовлять изъ него народъ близкій къ Богу, Имъ Самимъ правимый и ведомый народъ Израильскій, святой! Теократіей справедливо называется весь строй народной жизни древняго Израиля: проводникомъ въ жизнь и хранителемъ этой теократіи и было древне-еврейское священство.

Окидывая общимъ взглядомъ всю дѣятельность древне-еврейскаго священства, можно видѣть въ ней двѣ замѣчательныхъ черты. Первая—состоить въ томъ, что дѣятельность еврейскаго священства широко обнимала собою всё стороны народной жизни не только со стороны общаго ихъ направленія къ одной цѣли, но даже и со стороны практическихъ частныхъ. Не было ни одной стороны народной жизни, куда бы не заглядывалъ глазъ священника: не только миръ, союзы и войны, жертвы и праздники, но и жизнь семейная, частные договоры (Лев. XXVII, 14—25), устройство стана, раздѣленіе земли, лѣченіе и предохранительныя противъ заразныхъ болѣзней мѣры—все такъ или иначе подходило подъ вліяніе и надзоръ священства. Подобно самому законодательству Моисея, обявшему и опредѣлившему въ одномъ національно-теократическомъ направленіи всю народную жизнь до послѣднихъ мелочей, и священство еврейское должно было слѣдить и управлять всей народной жизнью. Никогда, ни въ какой исторіи не было болѣе полной и стройной теократіи, чѣмъ теократія по законодательству Моисея; и никогда, ни у одного народа священство не являлось съ столь большими полномочіями, съ столь обширнымъ вліяніемъ на народную жизнь, какъ это было въ исторіи еврейскаго народа. Не напрасно еще самъ Моисей не находилъ въ этомъ отношеніи народа, подобнаго еврейскому (Втор. IV, 7—8) и тѣ высокопоэтичныя и трогательно-нѣжныя образы, въ которыхъ онъ описываетъ воспитаніе народа своего подъ божественнымъ руководствомъ, дышать несравненно большею силою и жизненностію, чѣмъ одни только образы. «Не Онъ ли Отецъ твой, сотворившій тебя»? говоритъ Моисей о Богѣ, обращаясь къ народу своему. «Онъ создалъ тебя и устроилъ тебя... часть Господа—народъ Его; Иаковъ—наслѣдственный удѣлъ Его. Онъ нашель его въ пустынь и степи, гдѣ вой пустынь-

ный; оградиль его, смотрѣль за нимъ, храниль его, какъ зѣницу ока своего. Какъ орелъ стережетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, распростираетъ онъ крылья свои, беретъ его, носить его на крылахъ своихъ; такъ Господь одинъ водиль его, и не было съ Нимъ чужого Бога. Онъ вознесъ его на высоту земли, и кормиль произведеніями полей, и питаль его медомъ изъ камня, и елеемъ изъ скалы кремнистой, масломъ коровьимъ, и молокомъ овечьимъ, и тучкомъ агнецевъ, и овновъ Васанскихъ, и козловъ, и самою тучною пшеницею; и ты пиль вино, кровь виноградныхъ лозъ (Втор. XXXII, 6; 9—14). И никто другой, какъ священство, былъ посредникомъ въ этихъ нѣжно-отеческихъ отношеніяхъ Бога къ народу. Никому, какъ только одному священству, были ввѣрены всѣ божественные завѣты и повелѣнія и, какъ эти послѣдніе обнимали собою всю жизнь народа, то и священству ввѣрялась тѣмъ самымъ вся народная жизнь во всѣхъ ея сторонахъ и подробностяхъ. И даже послѣдующія за временемъ Моисея событія въ народный жизни, какъ, напр., ослаблявшія повидимому теократическій строй народной жизни, какъ, напр., появленіе у Израиля царей и развитіе свѣтскогосударственной жизни, не могли существенно уменьшить широту и силу вліянія священства на народную жизнь. То правда, что при царяхъ еврейское священство уже не имѣло того всеобщаго и непререкаемаго авторитета, какъ это было во времена чистой теократіи при Моисеѣ и его ближайшихъ преемникахъ; напротивъ, само священство, съ развитіемъ внѣшне-государственной жизни еврейскаго народа, стало въ ряды органовъ государственной жизни, подчиненныхъ царямъ (II Сам. VIII, 15—18; I Сам. XXIII, 9; XXX, 7—8; II Сам. XV, 24—37; I Цар. II, 26—27; II Пар. VIII, 14; II, 13—15; XVII, 7—9; XIX, 8; XXVI, 4; XXVI, 16). Но, не говоря уже про то, что такое положеніе теокротическихъ началъ въ жизни народной лучшими людьми изъ самаго же народа—пророками, «прозорливцами» и разными «людьми Божіими»—всегда сознавалось, какъ отступленіе отъ нормальной жизни народа, завѣщанной ему Моисеемъ и всѣми преданіями (2 Пар. XV, 1—7; XVI 7; XVIII, 13—27; XXIV, 20—24; XIII, 4—12; XII, 5—8; Ос. VIII, 1; XI, 5; XIV, 1—3 и др.); замѣчательно то, что и въ періодъ самостоятельной государственной жизни еврейскаго народа тогда лишь само государство крѣпло, росло и смѣло выдер-

живало натиски грозныхъ сосѣдей, когда въ немъ пробуждалась прежняя теократическая сила духа, когда и народъ и цари обращались къ Іеговѣ и когда оживала вся церковная жизнь, такъ что и еврейскіе историки при оцѣнкѣ каждаго новаго царствованія прилагаютъ одну мѣрку: былъ ли царь «угоденъ въ очахъ Божіихъ» или же «ходилъ въ слѣдъ Ваала»; въ первомъ случаѣ пробужденіе теократическихъ началъ связывается съ успѣхомъ и государственной жизни, во второмъ—религіозное охлажденіе приводитъ къ упадку и въ другихъ сторонахъ государственной жизни (2 Пар. XIII, 4—18; XIV, 1—4; XV, 8—16; XVII, 3—6; XX, 2—30; XXI, 6—17; XXII, 3—4; XXV, 2—3; XXVI, 4—5; XXVIII, 1—5; XXIX, 2; XXXII, 30 и др.). Еврейскіе цари владѣли жизнью народа, стремясь уравнять ее по всѣмъ видимымъ формамъ съ жизнью окружающихъ языческихъ сосѣдей, но никогда не могли владѣть внутреннею силою духа народнаго,—тѣмъ, что составляло душу народной жизни, сущность еврейства, т. е. именно его національно-теократическими стремленіями; священство же всегда было полнымъ владѣтелемъ этихъ стремленій. Вотъ почему, даже въ тѣ дни, когда періодъ самостоятельныхъ царей еврейскихъ кончился и государственная жизнь ихъ была разбита, внутренняя жизнь народа, его національно-теократическіе идеалы не умерли, вліяніе священства сохранилось по прежнему и, даже больше, оно-то, это вліяніе опять взялось собирать остатки Израиля и опять, какъ въ давніе счастливые дни чистой теократіи, взяло исполнѣ въ свои руки всѣ стороны народной жизни (Неем. IX, 2; X, 30—32, 33—40; Неем. VIII, 14—18; Езд. III, 4). И насколько сильно было это вліяніе, достаточно говорятъ всѣмъ извѣстные факты евангельской исторіи: во всѣхъ почти случаяхъ, гдѣ фарисеи—эти истинные сыны ветхозавѣтнаго еврейства, застыпшаго въ однихъ неизмѣнныхъ національно-теократическихъ идеалахъ законной чистоты и святости—входили въ столкновение съ ученіемъ Іисуса Христа, звучитъ одинъ мотивъ—полное господство въ народѣ прежнихъ идеаловъ національно-теократическаго устройства. И почти вся евангельская исторія съ фактической стороны представляетъ собою исторію борьбы новаго ученія съ прежними національно-теократическими идеалами внѣшне-законной праведности. Такъ живучи были идеалы, хранившіеся священствомъ, даже и тогда, когда уже о

національной самостоятельности нельзя было и думать. И до самых наших дней еврейство крѣпко и самостоятельно, благодаря все тѣмъ же національно-теократическимъ началамъ, на которыхъ оно выросло и окрѣпло во времена Моисея. И хотя по внѣшнему своему виду еврейское священство во многомъ теперь не то, чѣмъ оно было во времена національно-теократическаго процвѣтанія еврейства, но по духу и силѣ вліянія нынѣшнее раввинство, вспомоствуемое школой, тоже, что было и раньше кастовое священство: и теперь вся жизнь еврея регламентирована до послѣдней мелочи и держится подъ надзоромъ школьныхъ преданій; вотъ почему никакія ни гоненія, ни ассимилирующія условія правительствъ не могутъ справиться съ еврействомъ, сильнымъ своими преданіями. И вся эта національная устойчивость, вся эта духовная крѣпость достигнута благодаря національно-теократическимъ началамъ Моисеева законодательства, неуклонно и строго хранившимся и проводившимся въ жизнь чрезъ еврейское священство! А между тѣмъ и Израиль, при началѣ своего народнаго воспитанія, былъ съ одной стороны, настолько скуденъ духомъ, что за одно пропитаніе готовъ былъ быть вѣчно рабомъ (Исх. XIV, 11—12; XVI, 3; XVII, 3; Числ. XI, 4—6; XX), а, съ другой стороны, представлялъ далеко не одну цѣльную націю, имѣя въ своемъ составѣ «множество разноплеменныхъ людей» еще при выходѣ изъ Египта (Исх. XII, 38) и въ дальнѣйшей своей исторіи нерѣдко пополняясь иноплеменниками—«пришельцами» (Исх. XII, 43—49; XXII, 20; XXIII, 9; Лев. XIX, 33—34; XX, 2; XXIII, 22; XXIV, 16; XXV, 40. 45—47 и др.). Тѣмъ болѣе, поэтому, вызываетъ къ себѣ удивленіе воспитательное вліяніе еврейскаго священства, и безъ преувеличенія можно сказать, что въ дѣлѣ воспитанія народа, какъ цѣлаго, дѣятельность ветхозавѣтнаго священства представляетъ незамѣнимый, совершенный образецъ: по отношенію къ народу какъ цѣлому, ветхозавѣтное священство было истиннымъ пастыремъ. Но эта-то именно особенность пастырской дѣятельности ветхозавѣтнаго священства заслонила собою другую сторону въ священнической дѣятельности, которая, однако, сдѣлалась существенной принадлежностью новаго пастырства среди новыхъ чадъ Авраама по вѣрѣ (Рим. IV, 11—13): здѣсь мы встрѣчаемся съ другой замѣчательной чертой дѣятельности ветхозавѣтнаго священства. Она состоитъ въ томъ,

что предметомъ, на который была направлена вся пастырская попечительность ветхозавѣтнаго священства, былъ народъ, какъ цѣлое, а не отдѣльная личность каждаго человѣка, и цѣлью всѣхъ усилій и заботъ ветхозавѣтнаго пастырства было только воспитаніе народа въ національно-теократическомъ духѣ. Характерно обрисовывается эта особенность ветхозавѣтнаго пастырства въ лицѣ самого законодателя. Моисей представляетъ собою самаго пылкаго, самоотверженнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строго послѣдовательнаго народнаго ревнителя: мало можно найти еще національныхъ дѣятелей, которые могли бы сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Всѣ интересы, всѣ радости и печали народа составляютъ его интересы, его радости и печали. Послѣ Бога и Его воли, народъ еврейскій—единственное, чѣмъ живетъ Моисей. Еще до божественнаго призванія, Моисей горячо принимаетъ къ сердцу интересы народа, томящагося въ рабствѣ, и въ порывѣ защиты его совершаетъ преступленіе, подвергаясь за то всѣмъ непріятностямъ преслѣдованія (Исх. II, 11—15). Начавъ народное воспитаніе по божественнымъ повелѣніямъ, Моисей готовъ положить жизнь свою за народъ, лишь бы только этотъ народъ преуспѣвалъ въ исполненіи божественныхъ заповѣдей. Когда народъ не оказался вѣрнымъ Іеговѣ во время 40-дневнаго отсутствія Моисея и поклонился золотому тельцу, Моисей умоляетъ Господа не истреблять народа, хотя Господь предлагаетъ произвести отъ самого Моисея другое многочисленное же потомство (Исх. XXXII, 1—13): и если ужъ Господу не угодно простить народъ, то Моисей готовъ пожертвовать за него своею жизнію (Исх. XXXII, 32). Сколько нужно любви къ народу, чтобы такъ молиться Господу, когда, притомъ, народъ своею низменною чувственностію оскорбилъ самыя высокія чувства законодателя! И тѣмъ не менѣе, всюду, гдѣ интересамъ народнаго воспитанія представляется опасность соблазна или уклоненія отъ предначертаннаго пути народной жизни вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ или части народа, Моисей беспощаденъ и суровъ до жестокости. За поклоненіе золотому тельцу по слову Моисея было избито изъ того же возлюбленнаго народа «около трехъ тысячъ человѣкъ» (Исх. XXXII, 27—28)! Въ другой разъ, когда народъ вошелъ въ сношенія съ моавитянами и нѣкоторые изъ народа начали присутствовать при жертвоприношеніяхъ моавитянъ,—по при-

казанію Моисея было избито 24,000 человекъ (Числ. XXV, 5—9)! Такъ дорого оцѣнивалась неприкосновенность національно-теократическихъ стремленій и такъ безпощадно-жестоко карали отдѣльныхъ лицъ за нарушеніе этихъ стремленій! И такое отношеніе къ отдѣльному лицу имѣло мѣсто не только тогда, когда согрѣшали тысячи, но и тогда, когда житейская необходимость вводила въ искушеніе и одного человека. Такъ, однажды, когда «сыны Израилевы были въ пустынь, нашли человека, собиравшаго дрова въ день субботы». Человека этого привели къ Моисею: и было определено побить нарушителя субботы камнями (Числ. XV, 32—36)! И во всѣхъ своихъ постановленіяхъ Моисей держится одного и того же правила: все для народа, какъ цѣлаго, и никакой пощады отдѣльной личности, если ею подается какой-либо соблазнъ въ народномъ воспитаніи. Вотъ почему Моисей такъ часто предписываетъ: «да истребится человекъ тотъ изъ народа» или «да истребится душа та изъ народа»—и это во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нарушаются воспитывающія народъ теократическія начала (Исх. XII, 15, 19; XXII, 19; XXXV, 2; Лев. VII, 21. 27; XVII, 9—10, 14, 20, 2, 6; XXIII, 30; Числ. XV, 30—31). Понятно послѣ этого, въ какія отношенія къ отдѣльной личности ставилось ветхозавѣтное священство законодательствомъ Моисея: быть на стражѣ исполненія каждымъ человекомъ всѣхъ предписаній закона и прекращать всенародный соблазнъ чрезъ кару нарушителя—вотъ главный мотивъ этихъ отношеній. Для ветхозавѣтнаго священства не было миссіей—проникать во внутренній міръ каждой отдѣльной личности и приносить въ него то—слово увѣщанія, то—радость утѣшенія, то—страхъ запрещенія, то—отраду прощенія, то—сладость приближенія къ Богу, то еще какое бы то ни было дѣйствіе своего вліянія, смотря по внутреннимъ духовнымъ потребностямъ каждаго человека: его миссія определялась коротко и просто—воспитывать народъ, какъ цѣлое, и не давать отдѣльнымъ лицамъ нарушать своими проступками національно-теократическія начала народной жизни. Ветхозавѣтный пастырь—не отецъ духовный отдѣльнаго человека: онъ—неусыпный стражъ надъ нимъ и, когда нужно, каратель. Не отношенія любви и готовности положить душу свою за душу человека, вѣреннаго его попеченію, были нормою отношеній ветхозав. пастыря къ человеку, а отношенія ревности о законѣ, готовой «истребить ту душу изъ на-

рода», которая нарушаетъ законъ. Юношѣ Финессу, возревновавшему такую священную ревностію, обѣщано вѣчное въ потомствѣ священство (Числ. XXV, 6—13), а пророкъ Исаія, обличая священство за отсутствіе этой ревности, грозитъ ему отъ имени Іеговы отлученіемъ отъ святилища (Ис. XLIII, 23—28). Эта-то ревность о національно-теократическомъ воспитаніи народа, заставлявшая ветхозавѣтное паство «обходить море и сушу, дабы обратитъ хотя одного» (Мѡ. XXIII, 15), и тѣмъ расширять и укрѣплять свой народъ, какъ цѣлое, ложилась тяжелымъ бременемъ на отдѣльнаго человѣка (Мѡ. XXIII, 4), который, при всемъ усердіи въ исполненіи закона, не получалъ примиренія и успокоенія въ своей совѣсти (Рим. XI, 7; IX, 31—32). Интересно въ этомъ отношеніи свидѣтельство апостола Павла. Онъ, по собственному признанію, былъ воспитанъ «при ногахъ Гамаліила» (Дѣян. XXII, 3)—одного изъ образованнѣйшихъ и «уважаемыхъ всѣмъ народомъ законоучителей» (Дѣян. V, 34). Онъ тщательно былъ наставленъ въ отеческомъ законѣ и «преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ» (Гал. I, 14), такъ что по собственному признанію, онъ—мало того, что былъ «ревнителемъ по Богѣ, какъ и всѣ евреи» (Дѣян. XXII, 3)—сдѣлался «неумѣреннымъ ревнителемъ отеческихъ преданій» (Гал. I, 14), исполняя каковыя, онъ въ своей совѣсти могъ считать себя «непорочнымъ по правдѣ законной» (Филип. III, 5—6). Это былъ слѣдовательно, лучшій цвѣтъ еврейства, на которомъ виднѣе всего можно разсмотрѣть результаты вліянія на отдѣльную личность тѣхъ отношеній ревности о законѣ, которыми характеризуется ветхозавѣтное паство. И что же? Подобно узнику, узрѣвшему послѣ долгаго заключенія свободу, великій апостоль съ чувствомъ святой радости говорить о новомъ состояніи оправданія вѣрою и съ чувствомъ духовнаго гнета и тяготы воспоминаетъ о подзаконномъ состояніи. Въ большинствѣ своихъ посланій онъ именно и развиваетъ одну мысль—что нѣтъ примиренія съ Богомъ и оправданія путемъ внѣшне-законной праведности въ духѣ національно-теократическихъ началъ іудейства, но что это примиреніе и оправданіе дается сердцу каждаго, безъ различія національности, человѣка чрезъ вѣру въ Іисуса Христа—по благодати, а не въ видѣ заслуги (Рим. II, 17—29; III, 20—30; IV, 1—25; V, 1—2, 9—10; VII, 9—23; VIII,

1—2; X, 1—6; Гал. II, 15—16; III, 6—14; IV, 3—7; V, 1—6; Филип. III, 1—11; Кол. II, 20—23; Евр. III, 1—19; IV, 1—2; VIII, 1—13 и многія другія мѣста). Та же сторона дѣятельности ветхозавѣтнаго пастырства ясно обрисовывается и въ многочисленныхъ евангельскихъ фактахъ столкновенія ученія еврейскихъ народоучителей съ ученіемъ Іисуса Христа. Такъ фарисеи возмущаются тѣмъ, что ученики Іисуса Христа ѣдятъ неумытыми руками (Мѡ. XV, 2), срываютъ колосья въ субботу (Мѡ. XII, 1), или Самъ Іисусъ Христосъ исцѣляетъ въ субботу (Мѡ. XII, 10; Лк. XIII, 10—14) или ѣсть и пить съ мытарями и грѣшниками (Лк. XV, 2). Фарисеи видѣли во всѣхъ этихъ фактахъ нарушеніе «преданій отцевъ» и закона, а чрезъ то подрываніе тѣхъ именно основъ, на которыхъ выросла и окрѣпла вся жизнь еврейскаго народа. Ихъ негодованіе было искреннее и безъ всякой личной подкладки, ибо такъ же, какъ говорили фарисеи, говорили и законъ Моисеевъ, и еще задолго до Христа нарушителей, напр., субботы наказывали смертію. Но фарисеи не хотѣли видѣть другой стороны дѣла: внутренняго міра отдѣльнаго человѣка; и въ этомъ они были лишь истинными сынами своего народа: такъ шла вся исторія евреевъ, такъ держали себя всегда народные руководители и такъ заповѣдано было въ законѣ Моисеевомъ. «Да истребитсѣ душа та изъ народа», которая нарушаетъ народныя преданія и законы — вотъ что говорилось въ законѣ. А что дѣлалось въ этой «душѣ», которая была такимъ же человѣкомъ со всѣми человѣческими потребностями, какъ и сами охранители закона, объ этомъ не требовалось говорить и судить. Неужели полное исполненіе той законной праведности, которая столько лѣтъ была внушаема народу и создала изъ евреевъ особый, самостоятельный народъ, могло считаться менѣе стоющимъ, чѣмъ сознаніе своихъ грѣховъ какимъ-нибудь отверженнымъ членомъ народа — мытаремъ (Лк. XVIII, 9—14)? Для фарисея была искренно непонятна новая оцѣнка: онъ не призванъ цѣнить внутреннія движенія души, онъ цѣнилъ праведность по числу исполненныхъ предписаній. Вотъ почему фарисеи такъ глубоко возмущались исцѣленіями въ субботу, общеніемъ съ мытарями и тому подобными дѣйствіями Іисуса Христа. И какой большой переломъ требовался, чтобы принять ученіе Іисуса Христа: вѣдь, нужно было отказаться отъ самого дорогого и завѣтнаго — отъ сознанія своей народной исключительности и

отъ высокаго уваженія отеческихъ преданій. Вотъ почему изъ образованнаго еврейства, державшаго въ рукахъ національныя преданія и завѣты, столь немногіе оказывались способными къ этому перелому (Іоан., III, 1—2; Филип. III, 5—8; Рим. X, 12; II, 17—20). Но и по настоящій день еврейство еще мало подвинулось въ усвоеніи новаго христіанскаго начала—оцѣнка прежде всего и больше всего внутренняго человѣка, и тѣ немногія единицы его, которыя иногда начинаютъ жизнь этой новой жизнию внутренняго человѣка взамѣнъ внѣшней законной праведности, по-прежнему со стороны народныхъ учителей встрѣчаютъ ненависть и насилія. Такимъ образомъ, насколько по отношенію къ народу, какъ цѣлому, ветхозавѣтное священство являлось истиннымъ папствомъ чрезъ полное и широкое вліяніе на всю народную жизнь, настолько по отношенію къ личной жизни каждаго человѣка въ отдѣльности оно было чуждо той стороны дѣятельности, которая и составляетъ истинное папство: именно, оно не удовлетворяло внутреннихъ религіозно-нравственныхъ потребностей отдѣльной личности, а, наоборотъ, ложилось на нихъ тяжелымъ бременемъ чрезъ требованіе внѣшне-законной праведности въ духѣ національно-теократическихъ началъ.

Но, какъ ни прочно во всей народной жизни евреевъ были проведены національно-теократическія начала внѣшне-законной чистоты и праведности и какъ ни устойчиво держалась этихъ началъ папская дѣятельность ветхозавѣтнаго священства, съ очень древняго времени въ народномъ самосознаніи стало намѣчаться, сначала слабо, а къ концу самостоятельной еврейской исторіи все громче и громче, новое теченіе, послужившее, наконецъ, достаточно подготовленной почвой для принятія ученія Іисуса Христа. Теченіе это, касаясь и вообще идеаловъ народной жизни, главнымъ образомъ затрогивало дѣятельность народныхъ руководителей—священниковъ. Вооружаясь противъ пороковъ народной жизни и рисуя, сообразно съ тѣмъ, картины новой желательной жизни, эти особые голоса не щадили народныхъ папскарей за разные недостатки ихъ, и вмѣстѣ съ обличеніемъ того, что видѣли, изображали то, чего желали и чего чаяли въ будущемъ. Это особое теченіе въ народномъ самосознаніи представляли собою пророки. Какъ посланники Божіи, пророки въ основной сущности своей проповѣди не могли сходиться и не сходились съ той же точки зрѣнія, на которой стоялъ

и весь законъ Моисея, т. е. чистой теократіи; но, видя разныя злоупотребленія и пороки противъ закона въ жизни, какъ народа, такъ и его руководителей, пророки чище и глубже должны были представлять себѣ требованія воли Божіей, чѣмъ какъ думали исполнять ее ихъ современники. Отсюда, какъ, главнымъ образомъ, въ религіозной, такъ и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни народа, пророки должны были усматривать недостатки и указывать новыя требованія: дѣятельности священства, какъ руководителя народной жизни, представлялись чрезъ это новые запросы, не говоря уже о томъ, что очень не рѣдко пророки и прямо обращались къ священству; указывали его пороки и предлагали новыя требованія въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Главное, на что указывали пророки въ дѣлѣ богопочитанія, это-то, что не внѣшняя обрядно-законная исполнительность нужна для Бога, и не жертвы, прежде всего, а внутреннее доброе настроеніе человѣческаго сердца. Хотя и Моисей въ сущности требовалъ того же самого (Втор. X, 16, XXX, 6—16), но въ устахъ пророковъ такія требованія звучали ново, такъ какъ всѣ усилія Моисеева законодательства и народныхъ руководителей должны были, естественно, направляться, прежде всего, на внѣшность народной жизни, чтобы образовать изъ Израиля особый, самостоятельный народъ. Народъ былъ приученъ, напр., къ тому, что каждый важный шагъ въ жизни требуетъ обращенія къ Богу, чрезъ принесеніе Ему жертвъ: безъ жертвъ не совершался ни одинъ актъ богослуженія, и, естественно, что и народъ и священство съ теченіемъ времени стали допускать здѣсь много злоупотребленій, забывая главную мысль жертвъ (Мал. I, 6—13; Іер. XXIII, 11; Іез. XXII, 26; Ос. VIII, 13; VII, 13—14); также было и съ другими религіозными постановленіями и обычаями. И вотъ пророки провозглашаютъ объ истинномъ угожденіи Богу и о сущности Его требованій во всѣхъ внѣшне-обрядовыхъ постановленіяхъ: «къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ»? передаетъ пророкъ Исаія слова Господа. «Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ воловъ, и не угодна Мнѣ кровь быковъ, и агнцевъ, и козловъ. Когда вы приходите являться предъ лице Мое, то кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы попирали двory Мои? Не приносите больше лицемѣрныхъ даровъ: куреніе—мерзость предо Мною, новомѣсячія и субботы, созваніе собраній нестерпимы Мнѣ: беззаконіе—и священное

собраніе! Моя душа ненавидитъ вашего новомѣсячія и ваши праздники: они—бремя для Меня, Мнѣ тягостно нести» (Ис. I, 11—14). Жертвами ли удовлетворяется Господь? «Недостаточно ни ливана для жертвеннаго огня, ни животныхъ его для всесожженія»—говоритъ тотъ же пророкъ (Ис. XL, 16) «Къ чему Мнѣ Ливанъ изъ Савы, и благовонный тростникъ, получаемый изъ далекой земли?» говоритъ отъ лица Іеговы другой пророкъ. «Всесожженія ваши не въ угоду Мнѣ, и жертвы ваши не пріятны Мнѣ (Іер. VI, 20) «и когда вознесутъ всесожженія и дары, не буду благоволить къ нимъ» (Іер. XIV, 12). «Приносите жертвы ваши каждое утро», говоритъ третій пророкъ отъ лица Іеговы, десятины ваши хоть каждые три дня (Амос. IV, 4), но «возненавидѣлъ Я, презираю праздники ваши, и не обоняю жертвъ во время вашихъ торжествъ. Когда возносите Мнѣ всесожженіе и хлѣбное приношеніе, Я не принимаю ихъ, и на благодарственную жертву изъ откормленныхъ тельцовъ вашихъ Я не обращаю вниманія. Удали отъ меня гуль пѣсней твоихъ, и звуковъ гуслей твоихъ не стану слушать» (Амос. V, 21—23). «Можно ли угодить Господу хоть тысячами овновъ или безчисленными потоками елея, спрашиваетъ четвертый пророкъ (Мих. VI, 7). И зачѣмъ Богу даже храмы? «Небо-престолъ Мой, и земля—подножіе ногамъ Моимъ: гдѣ же вы построите Мнѣ домъ и гдѣ мѣсто для присутствія Моего (Ис. LXVI, 1). Постъ ли Богу нуженъ? «Если они будутъ поститься», говоритъ пророкъ отъ лица Іеговы, Я не послушаю молитвеннаго вопля ихъ (Іер. XIV, 12). «Развѣ это постъ угодный Мнѣ, когда человѣкъ мучитъ самого себя, склоняетъ голову свою, какъ тростникъ и подстилаетъ себѣ рубище и пепель? Это ли ты назовешь постомъ и временемъ угоднымъ Богу» (Ис. LVIII, 5—6)? И это ли истинное благочестіе, когда «народъ приближается языкомъ своимъ и чтитъ Меня устами своими, а сердце его далеко отъ Меня и благоговѣніе ихъ предо Мною—заученная человѣческая заповѣдь», говоритъ еще пророкъ отъ лица Іеговы (Ис. XXIX, 13)? Такимъ образомъ, все внѣшнее богопочтаніе, начиная отъ всенародныхъ праздниковъ и кончая всякаго рода жертвами, постами и моленіями, оказывалось неблагоугоднымъ Богу по проповѣди пророковъ. А, между тѣмъ, не эта ли же внѣшне-законная исполнительность во всѣхъ постановленіяхъ и обрядахъ такъ строго и послѣдовательно внушалась народу, и не она ли же была пастырскимъ

долгомъ еврейскаго священства, такъ какъ чрезъ нее только было предположено создать особый народъ, отличный отъ всѣхъ другихъ народовъ?! Не суббота ли и Пасха, не посты ли и священныя собранія, не жертвы ли и всѣ ихъ обряды узаконялись и вводились въ народную жизнь чрезъ страхъ даже смертной казни (Исх. XII, 15—19; Лев. XXIII, 27—32, Числ. 15, 35)?! И если всѣ эти постановленія о внѣшне законной праведности и религіозности отмѣнялись, какъ неблагоугодныя Господу, то что же оставалось дѣлать еврейскому пастырству, когда ему именно и было заповѣдываемо «научать сыновъ Израилевыхъ всѣмъ уставамъ, которые изрекъ Господь чрезъ Моисея (Лев. X, 11)»? Пророки давали и положительныя наставленія объ этомъ. вмѣсто богопочитанія внѣшняго, которое, по незамѣнимому выраженію пророка, превратилось въ «заученную человѣческую заповѣдь» (Ис. XXIX, 13), пророки проповѣдывали внутреннее духовное поклоненіе чрезъ богопознаніе, чистоту и святость въ непосредственномъ духовномъ единеніи съ Богомъ; сообразно съ этимъ, священству предлагались новые идеалы дѣятельности—учить народъ боговѣднѣю, очищать прежде всего и больше всего души и сердце вѣрующихъ въ Іегову, стараться о томъ, чтобы каждый человѣкъ приближался къ Богу не внѣшними дѣйствіями культа, а внутренней чистотой и богоподобіемъ. Пророческимъ окомъ созерцая то внутреннее благочестіе, котораго не доставало Израилю, пророкъ Исаія говорить: «Земля будетъ такъ наполнена знаніемъ Господа, какъ морское дно покрыто водой» (Ис. XI, 9), «блуждающіе же духомъ будутъ вразумлены, и ропчущіе примутъ ученіе» (Ис. XXIX, 24).—«Мудрость и знаніе будутъ... полнотою спасенія, страхъ предъ Господомъ будетъ сокровищемъ» (Ис. XXXIII, 6). «Не это ли постъ, который Мнѣ угоденъ», продолжаетъ тотъ же пророкъ, «чтобы ты расторгъ союзъ неправды, разрѣшилъ оковы рабства, далъ свободу угнетеннымъ и сокрушилъ всякое ярмо? Не въ томъ ли, чтобы ты раздѣлилъ свой хлѣбъ съ голоднымъ, ввелъ въ домъ покинутыхъ бѣдныхъ?.. Тогда ты помолишься, и Господь услышитъ, будешь взывать, и Онъ скажетъ: «вотъ Я» (Ис. LVIII, 6—7, 9), «потому что такъ говоритъ Всевышній... Я живу на высотѣ Небесъ, въ святилищѣ и близъ сокрушеннаго сердцемъ и смиреннаго духомъ, чтобы оживить духъ смиренныхъ и оживить сердце угнетенныхъ (Ис. LVII, 15—16); «вотъ на что Я смотрю», еще говоритъ тотъ же пророкъ отъ лица

Іеговы: «на смиреннаго, сокрушеннаго духомъ, и благоговѣющаго предъ словомъ Моимъ (Ис. LXVI, 2). Пророкъ Іеремія говоритъ о новомъ завѣтѣ Господа съ Израильскимъ народомъ: «Вотъ придутъ дни, сказалъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ:.. Я вложу законъ Мой внутрь ихъ, и на сердцѣ ихъ напишу его, и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. И не будутъ болѣе учить другъ друга и братъ брата, говоря: «познайте Господа», ибо всѣ они, отъ мала до велика, будутъ знать Меня, сказалъ Господь; потому что Я прощу беззаконія ихъ, и грѣховъ ихъ уже не буду помнить» (Іер. XXXI, 30. 32—33). Пророкъ Іезекіель пророчествуетъ о томъ же: «И дамъ вамъ сердце новое, и духъ новый вложу внутрь васъ; и возьму сердце каменное изъ тѣла вашего, и дамъ вамъ сердце плотное. И духъ Мой вложу внутрь васъ; и сдѣлаю, что вы будете поступать по законамъ Моимъ, и постановленія Мои будете наблюдать и выполнять (Іез. XXXVI, 26—27). Пророкъ Осія, сѣтуя, что «нѣтъ ни истины, ни любви, ни богопознанія на землѣ» (Ос. IV, 1), описываетъ новый будущій завѣтъ Божій съ народомъ Израильскимъ подъ образами брачнаго договора и говоритъ народу отъ лица Іеговы: «и обручу тебя со Мною на вѣкъ, и обручу тебя со Мною правдою и правосудіемъ, благостію и милосердіемъ, и обручу тебя со Мною вѣрою, и ты познаешь Господа» (Ос. II, 21—22). Приглашая, затѣмъ, народъ Израильскій покаяться, пророкъ говоритъ: «и будетъ имѣть вѣдѣніе, стараясь познать Господа» (Ос. VI, 3); но пророкъ знаетъ всю шаткость наружнаго богопочитанія Израиля и потому говоритъ отъ лица Іеговы: «что Мнѣ дѣлать съ тобою, Ефремъ? Что Мнѣ дѣлать съ тобою Іуда? благочестіе ваше, какъ утренняя мгла и какъ роса, скоро исчезающая... Я милосердія хочу, а не жертвы, и болѣе боговѣдѣнія, нежели всесожженій» (Ос. VI, 4. 6), запаситесь добрыми дѣлами и обратитесь къ Господу; говорите Ему: прости всякое беззаконіе и прими содѣянное добро; и вмѣсто тельцовъ мы принесемъ жертву устъ нашихъ (Ос. XIV, 3). Пророкъ Аввакумъ присущею проповѣднику чертою считаетъ вѣру (Авв. II, 4), а пророкъ Софонія видитъ истинное упованіе на Господа лишь у смиренныхъ и нищихъ (Соф. III, 12). Итакъ, вотъ каковаго богопочтенія требовали пророки взаимнъ внѣшне-законной праведности: не жертвы и праздники нужны Богу, а богопознаніе, смиреніе, вѣра, ми-

досердіе, чистое сердце и духовное единеніе съ Богомъ, такъ, чтобы законъ Божій былъ написанъ въ сердцѣ человѣка! Отсюда, и пастырская дѣятельность ветхозавѣтнаго священства должна была направляться уже не къ внѣшней исполнительности во всѣхъ обрядахъ и уставахъ наружнаго, всенароднаго богочтенія, а къ устроенію внутренняго міра человѣка, къ врачеванію язвъ душевныхъ больше, чѣмъ тѣлесныхъ, на наученіе боговѣдѣнію больше, чѣмъ на различіе разныхъ родовъ жертвъ. Такъ пророкъ Іеремія говоритъ: «Горе пастырямъ, которые губятъ и разгоняютъ овецъ паствы Моей. Посему такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ, на пастырей, пасущихъ народъ Мой: вы разсѣяли овецъ Моихъ, и разогнали ихъ, и не наблюдали за ними; вотъ Я наблюдаю за вами, чтобы наказать за злонравіе ваше, говоритъ Господь. Но я самъ соберу остатокъ овецъ Моихъ изъ всѣхъ земель, куда Я разогналъ ихъ, и возвращу ихъ на пастбище ихъ; и будутъ плодиться и размножаться. И поставлю надъ ними пастырей, чтобы пасти ихъ, и онѣ уже не станутъ бояться и трепетать, и не будутъ теряться, говоритъ Господь» (Іер. XXIII, 1—4), «и дамъ вамъ пастырей по сердцу Моему, которые будутъ направлять васъ къ вѣдѣнію и благоразумію» (Іер. III, 15). Пророкъ же Іезекииль подробно перечисляетъ и тѣ отдѣльныя заботы, которыя лежатъ на пастырѣ: «Горе пастырямъ, которые пасутъ самихъ себя», говоритъ пророкъ, — «не овецъ ли должны пасти пастыри? Тутъ вы ѣдите и волною одѣваете, откормленныхъ овецъ закалаете, а стада не пасете: слабыхъ не поддерживаете, больной овцы не лечите, перелома у нея не перевязываете, угнанной не возвращаете и потерявшейся не ищите, а правите ими сурово и жестоко. И разбѣжались онѣ за неимѣніемъ пастыря»... (Іез. XXXIV, 2—5). Вотъ замѣчательно вѣрная характеристика и ветхозавѣтнаго пастыря и новаго, какимъ долженъ быть истинный пастырь, по взгляду пророковъ: прежній правилъ «сурово и жестоко», «ревнуетъ о законѣ», «истребляя изъ народа ту душу», которая преступала законъ; новый — долженъ смотрѣть, что какой душѣ нужно, и каждой давать по ея нуждѣ; одной лѣкарство, другой — поддержку, третьей — путеводителя, четвертой — защитника. И самъ Господь, по взгляду пророковъ, не иначе будетъ пасти свое избранное стадо вѣрующихъ. «Я Самъ буду пасти ихъ», говоритъ отъ лица Іеговы пророкъ, «и Самъ буду покоить ихъ».... «Потерявшуюся сыщу, угнанную возвращу и ранен-

ную перевяжу, большую подкрѣплю, а тучную и сильную буду уничтожать: буду пасти ихъ по правдѣ» (Иез. XXXIV, 15—16). Или пророкъ Исаія говоритъ о Господѣ: «Какъ пастырь, Онъ будетъ пасти свое стадо, будетъ собирать своею рукою ягнятъ и носить ихъ на своемъ лонѣ, будетъ водить двойныхъ» (Ис. XL, 11). Стоитъ лишь сопоставить эти поэтическіе образы объ истинномъ пастырствѣ съ тѣми прямыми требованіями Іеговы о милости, болѣе чѣмъ о жертвѣ, о боговѣдѣніи, о вѣрѣ, о кротости, о смиреніи и сокрушенности сердца, о покояніи, о добрыхъ дѣлахъ, о совѣсти и исполненіи закона Божія, какія высказывали пророки, описывая истинное богопочитаніе, и получается полный образъ истиннаго, по взгляду пророковъ, пастыря и того, къ чему и какъ онъ долженъ стремиться созидать и возвращать «внутренняго челоуѣка», какъ выражается послѣ апостоль Павель—вотъ задача пастыря. Таковъ новый идеаль пастырской дѣятельности по взгляду пророковъ. Это былъ существенный поворотъ отъ прежняго идеала внѣшне-законной праведности, настолько существенный, что, по сознанію самихъ пророковъ, онъ могъ осуществиться не скоро, при новомъ лишь завѣтѣ Бога съ Израильскимъ народомъ и при новыхъ пастыряхъ (Иер. III, 15; XXIII, 4; Иез. XXXIV, 10; Ос. IV, 6; Іоил. II, 23); ветхозавѣтное же священство, привыкшее лишь «ревновать о законѣ» и исполнять всѣ обряды и постановленія внѣшне-законной праведности, не могло легко и скоро понять и примириться съ новыми запросами пастырской дѣятельности: его приглашали быть пастырствомъ, оно по прежнему хотѣло быть лишь священствомъ. Вотъ почему, столь многіе пророки возвышали свои голоса противъ священства и указывали его недостатки въ дѣлѣ воспитанія своего народа (Ис. XLIII, 24—28; Иер. I, 18; II, 8. 26; V, 31; VI, 13; VIII, 8; XXIII, 1. 11; Иез. XXII, 26; XXXIV, 1—8; Ос. IV, 6. 8. 9; V, 1; VI, 9; VIII, 13; Мих. III, 11, Мал. I, 12—13), вотъ почему и голоса пророковъ часто встрѣчали со стороны народныхъ руководителей и учителей лишь непониманіе и преслѣдованія (Амос. VII, 10—15, Иер. XLIII, 2, ср. 1 цар. XIX, 10. 14, Ме. XXIII, 29—31). Вотъ почему даже и языкъ пророковъ, ихъ образы и слова въ изображеніи новаго пастырства—новые сравнительно съ тѣми рѣчами «о священникахъ», какія были употребляемы раньше, въ пору полного господства идеала внѣшне-законной праведности и священства,

какъ стража внѣшней исполнительности въ законахъ: пророки говорятъ чаще всего о «пастыряхъ» — רֹעִים , чѣмъ просто о «священникахъ» — קֹהֲנִים , между тѣмъ какъ до пророческихъ писаній первое наименованіе неупотребительно; пророки говорятъ о перевязываніи ранъ больной овцѣ, о ношеніи овецъ на своемъ лонѣ, о поддержкѣ слабыхъ, объ отысканіи потерянной овцы, о возвращеніи угнанной, говорятъ о покаяніи, сокрушеніи и смиреніи сердца, внутреннемъ въ человѣкѣ законѣ Божіемъ, о вѣрѣ, о благодати, объ умиленіи сердца и единеніи съ Богомъ,—все это образы—новые для прежняго священника «ревнителя о законѣ»,—образы—столь близкіе къ евангельскимъ, что, читая, напр., пророка Іезекіиля, невольно вспоминаешь притчу Іисуса Христа о пропавшей овцѣ или о добромъ пастырѣ, а читая пророка Исаію о сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныхъ духомъ (61 гл. и др.), какъ бы слышишь подобныя же слова Іисуса Христа. Не напрасно и Іисусъ Христосъ и евангелисты такъ часто вспоминаютъ писанія пророковъ: какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и во взглядѣ на дѣло священника пророческія писанія составляютъ переходную, ближайшую ступень къ возрѣніямъ евангельскимъ; въ нихъ заключается указаніе на ту новую сторону пастырской дѣятельности, которой не было у ветхозавѣтнаго священства—именно, на посвященіе своихъ заботъ внутреннему міру отдѣльнаго человѣка. Но, по истинѣ приближаясь по этой сторонѣ къ евангельскимъ идеаламъ, писанія пророковъ все еще несвободны вполнѣ въ ученіи о пастырскихъ задачахъ отъ той главной точки зрѣнія, которая опредѣляла собою весь характеръ ветхозавѣтнаго священства. Пророки скорбятъ о погибшихъ овцахъ дома Израилева, обличаютъ священство въ нерадѣніи къ судьбамъ своихъ словесныхъ овецъ, призываютъ его къ уходу за ними сообразно съ потребностями каждой изъ нихъ, указываютъ, что нужно для Бога во внутреннемъ мірѣ человѣка и какъ достигать этого внутренняго личнаго совершенствованія пасомыхъ; но всѣ эти обличенія вызваны скорбью объ утраченномъ счастливомъ нѣкогда положеніи народа Израильскаго, какъ цѣлаго, и о горькой судьбѣ не человѣка вообще, оставленнаго въ невѣдѣніи или заблужденіи о Богѣ и своей жизни, а тѣхъ же овецъ дома Израилева; всѣ увѣщанія священству сводятся къ благу народа Израильскаго, какъ къ своей послѣдней цѣли, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, повидимому, пророки поднимаются

выше узко-національной точки зрѣнія въ сужденіяхъ объ истинномъ пастьрствѣ, они сходятся все въ одной и той же цѣли, чтобы гора Сіонъ была центромъ міра, а Израиль первымъ и любимымъ сыномъ Божиимъ. Такъ, обличая ветхозавѣтное пастьрство за нерадѣніе къ своимъ овцамъ, пророкъ Іезекіиль говоритъ отъ лица Іеговы; «Я Самъ отыщу овецъ Моихъ и осмотрю ихъ..... выведу ихъ изъ народовъ, и соберу ихъ изъ разныхъ сторонъ, и приведу ихъ въ землю ихъ, и буду пасти ихъ на горахъ Израилевыхъ.....—и поставлю надъ ними одного пастьря, который бы пасъ ихъ, именно раба Моего Давида;... и сдѣлаю ихъ и окрестности холма Моего предметомъ благословенія... и не будутъ уже добычею народовъ..... и узнаютъ, что Я, Господь Богъ ихъ, съ ними, и они, домъ Израилевъ, Мой народъ, изрекъ Господь Богъ (Іез. XXXIV, 11, 13, 23, 26, 28, 30). Пророкъ Іеремія, обличая пастьрей за разсѣяніе и блужданіе овецъ, говоритъ отъ лица Іеговы: «Но Я Самъ соберу остатокъ овецъ Моихъ изъ всѣхъ земель, куда Я разогналъ ихъ, и возвращу ихъ на пастбище ихъ..... и поставлю надъ ними пастьрей, чтобы пасти ихъ... и возставлю Давиду отрасль праведную..... во дни Ею Іуда спасется, и Израиль будетъ жить безопасно» (Іер. XXIII, 3, 4, 5, 6). Пророкъ Исаія проводитъ для своего народа лучшее будущее, когда «народъ и царство, которые не станутъ служить тебѣ, погибнуть, и такіе народы совершенно истребятся;... смиренно придутъ къ тебѣ сыны притѣснителей твоихъ и припадутъ къ ногамъ твоимъ всѣ презиравшіе тебя» (Ис. LX, 12, 14). Пророкъ Михей, прорекая о томъ днѣ, когда «гора дома Божія поставлена будетъ во главу горъ и возвышена надъ холмами и стекаться будутъ на нее народы», соединяетъ господствующее положеніе Израила надъ всѣми народами съ истиннымъ пастьрствомъ самого Іеговы среди избраннаго народа: «Въ тотъ день, говоритъ Господь, соберу храмляющее и соединю розогнанное и тѣхъ, на кого Я навелъ бѣдствіе, и приведу хромающую къ остальнымъ, и изнемогающую обрашу въ сильный народъ..... А ты, башня стада, холмъ града Сіона! къ тебѣ придетъ и возвратится прежнее владычество, граду Іерусалиму царствованіе..... Дщерь Сіона!..... Сдѣлаю рогъ твой желѣзнымъ и копыта твои сдѣлаю мѣдными, и сотрешь многочисленные народы»... (Мих. IV, 1, 6, 7, 8, 13). Такимъ образомъ, поскольку пророки выдвигали новые запросы для пастьрской дѣятельности чрезъ

требованіе заботь о внутреннемъ мірѣ отдѣльнаго человѣка, постольку, съ другой стороны, они оставались вѣрными сынами своего народа, не отступая отъ прежнихъ національныхъ—теократическихъ стремленій и подчиняя этимъ стремленіямъ свою проповѣдь о новыхъ сторонахъ пастырской дѣятельности. Пророки начали заботиться объ отдѣльномъ человѣкѣ изъ своего только народа; но они не ставили предметомъ пастырской заботы человѣка вообще, какъ образъ и подобіе Божіе, какъ сына Божія, изъ какого бы народа онъ не происходилъ: эту задачу поставило для пастырства лишь христіанство.

С. Кулюкинъ.

(Окончаніе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки